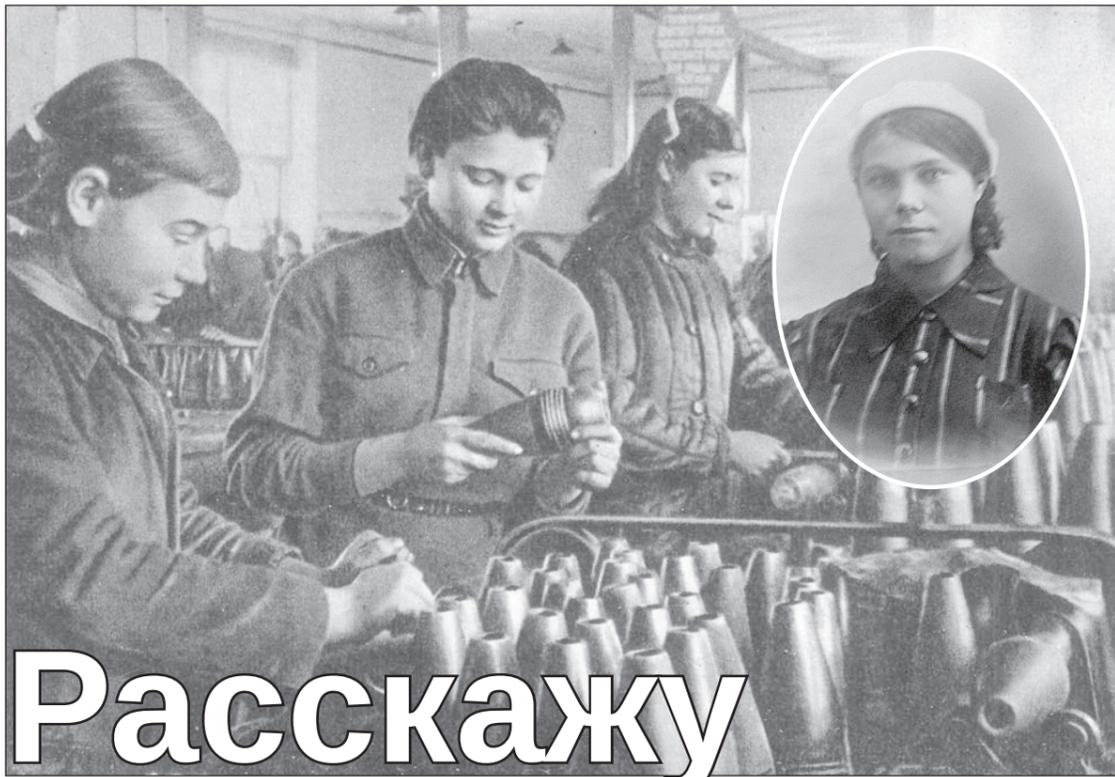

Она смотрела на меня сквозь десятки прошедших лет с маленькой фотографии из личного дела. Молодая круглолицая девушка с серьезным выражением ясных глаз, с волосами, зачесанными назад и слегка подвитыми по моде военных лет, с такой знакомой ямочкой на подбородке. 1942 год. Контролёр Горьковского автозавода Новожилова Евгения Архиповна награждена медалью «За трудовую доблесть». Одна из множества фотографий в музее ОАО ГАЗ, но я всё стою перед нею, не в силах справиться с волнением, ведь эта девушка – моя мама. Работать на автозавод девятнадцатилетняя Женя Новожилова поступила в 1938-ом. А до этого два года прослужила домработницей в семье весьма высокопоставленного руководителя завода.

Расскажу о своей маме

У мамы была хорошая память, и была она замечательной рассказчицей. Сдержанно, не стараясь произвести впечатление, без особых эмоций говорила она о своей жизни, о людях, с которыми свела ее судьба. У нее был особый талант описать каждого человека так, что он представлялся в воображении слушателя живым и неповторимым. Вспоминала ее рассказы, до сих пор не перестаю удивляться. Неужели я никогда не была знакома с ее молодой хозяйкой, изысканно красивой, доброй и благородной; с ее вероломным старым мужем и высокомерными золовками? Не видела, как в колесном цеху, преодолевая боль в плечах и руках, осваивает Женя свою первую рабочую специальность станочницы?

Впрочем, освоилась мама быстро, и не только в работе, но и в кипучей жизни молодежи великого завода. Успевала учиться в вечерней школе (школе взрослых, как она тогда называлась), бегать на лыжах в лесопарке, ходить на танцы и концерты в заводской Дом Культуры.

Но недолго продолжалось это радостное для нее время – началась война с фашистами.

РАНЬШЕ практически не писали о том, каким жестоким бомбардировкам немецкой авиации подвергался автозавод. Только от мамы я слышала, какие страшные были налеты, как много разрушений и жертв. От нее услышала, как придя однажды на утреннюю смену, застала она вместо своего цеха дымящиеся развалины и санитарные машины, вывозившие тела погибших работников.

Но и такие тяжкие испытания не сломили в людях волю к победе.

Не знаю, то ли страх не был свойством ее характера, то ли она умела его преодолевать, но трусости мама никогда не проявляла. Рассказывала, между прочим, как отработав долгую смену в цеху, крепко спала под завывание сирен и грохот зениток.

Про свою работу в военной приемке однажды сдержанно обмолвилась, что ошибаться ей было нельзя, ведь от внимательности контролера снарядов зависела жизнь бойцов, да и ее собственная тоже.

Как и многие ее сверстницы, рвалась Женя Новожилова на фронт, но в военкомате работницам оборонного завода в отправке на передовую всегда отказывали.

Четыре года тяжелого, без отпусков и почти без выходных труда, скудное питание – обо всем этом мама упоминала изредка и вскользь. Еще и повторяла при этом, что таким, как она, молодым, здоровым и одиноким, было несравнимо легче, чем матерям, болевшим душой и за мужей, сражавшихся на фронте, и за ребятишек, всегда голодных, а то и оставшихся без присмотра, пока они, не покладая рук, трудились на производстве.

НО, не бывает радости вечной и печали бесконечной. Закончилась война, и мама вышла замуж. Молодые не только зарегистрировали свой брак, но и обвенчались по православному обряду в одном из немногих действовавших тогда в Горьком храмов.

Не очень хотелось маме покидать ставший родным завод, были у нее мечты учиться в техникуме, стать мастером на производстве. Но жизнь распорядилась по-другому, у отца в деревне оставалась старенькая мать и две одиноких старших сестры, да и жить в городе новой семье было негде.

Жизнь в деревне легкой никогда не была, а уж тем более в послевоенные годы. Но и на любой работе, и в семье трудилась мама, не жалея сил, с неизменной основательностью делая любое дело.

Со свойственной ей серьезностью выбрала она и спутника жизни. Отец мой, Крюков Александр Васильевич, был человеком глубоко порядочным, на редкость добрым и отзывчивым. К тому же, хоть и успел познакомиться с японцами, но вернулся

домой невредимым, не раненым, не контуженым. Жених, весьма завидный по тем временам!

Вырастили они нас, троих детей, всем дали образование, отправили учиться в город. Тяжелое было для родителей время, когда надо было содержать детей вдали от дома, кормить, обувать-одевать, да еще платить за частные квартиры. Брат и сестра учились в городе в те хрущевские времена, когда там и хлеба не всегда можно было купить. Вот и ездила к ним мать с деревенскими гостинцами. Наделает домашней лапши, лепешек сдобных напечет, в листочки от моих исписанных тетрадок закрутит куриные яйца, стеклянные банки наполнит сметаной, вареньем, топленым маслом. Нагрузит тяжеленные сумки и чемоданы, и за сто с лишним километров в Горький на поезде или автобусе. А до станции на попутках, бывало, что и пешком. Вот так и кормили учащихся.

Да и не только хлебом единым питали родители детей, но и старались приобщить к культуре. В доме всегда было много книг и журналов, потом появилась радиолка с пластинками, музыкальные инструменты. Отец и сам любил петь, голос у него был высокий, чистый тенор, а слух абсолютный.

МАМА не только вела хозяйство, но и старалась украсить дом рукоделиями, сама шила, вязала, перешивала нам одежду. До сих пор удивляюсь, как она все успевала? И не помню, чтобы когда-нибудь торопилась. Дети, работа, огород, домашняя скотина; за водой сходить надо, дров, сена заготовить, лесных ягод, грибов и орехов. И при этом находила время на тонкое рукоделие – метровой величины кружевные скатерти, вышивки на занавесках и наших платьицах, теплые свитера и носки. Правда, по хозяйству отец всегда ей помогал, и дом постоянно ремонтировал и благоустраивал.

Не припомню, чтобы мать когда-нибудь нас ругала или

читала нравоучения. Наверное, что такое «хорошо» и что такое «плохо», мы, дети, постепенно понимали из разговоров родителей, а еще больше из их поведения. Для меня самым страшным наказанием было мамино молчание. А молчать она умела не хуже, чем рассказывать. Если уж рассердишь ее чем, то, казалось, неодобрение повиснет в избе, словно тяжелый и холодный туман. А мне так хотелось, чтобы она заговорила, рассказала про кого-нибудь из знакомых людей! А знала она многих, всем помогала, работая санитаркой в медпункте, частенько заменяла фельдшера. От корки до корки протрудировала справочник медсестры, могла и лекарство подобрать, банки или укол поставить, даже роды принимала.

А уж в рассказах ее оживал целый мир, населенный такими разными героями, где исторические события причудливо переплетались с судьбами и чувствами людей.

Нередко вспоминала она и Автозавод, пробуждая в моем детском воображении образы самоотверженных людей, верно служивших своей Родине и Делу. А сам завод представлялся мне совершенно особенным творением, которому тысячи людей с радостью отдавали свои силы и смекалку, сами становясь частью великого и радостного мира.

БЫЛИ среди них личности весьма талантливые и, можно сказать, выдающиеся. Например, наш земляк Александр Грошев. Ему, простому крестьянскому парню завод дал все, о чем он только мог мечтать – образование, интересную работу, друзей, свой дом, доступ ко многим культурным ценностям. Но отчего-то яркая жизнь его оказалась такой короткой и трагичной. Нет, молодой инженер и комсорг заводоуправления (возможно, какого-то подразделения, мама говорила «Главной конторы»), не стал жертвой репрессий, не погиб на войне или при бомбежке. Тяжелая болезнь сделала комсомольского вожа-

ка инвалидом, и унесла в могилу во время войны.

СТАВ взрослой, я, слушая рассказы матери о нем и многих других односельчанах, все чаще стала задумываться о том, что когда ее не будет, исчезнет вот такая живая память о многих людях. Возможно, нежелание смириться с этим, заставило меня в конце концов взяться за перо. Результатом моего труда стала повесть «Любовь в былые времена», где прообразом одного из героев стал и Александр Грошев (глава «Последний кусочек»).

Но оказалось, что литературное творчество – дело очень сложное. Можно, конечно, переписать то, что когда-то услышал, но не получится ни сюжета, ни характеров, не будет правды, наконец! Когда я стала писать свое повествование, то почувствовала, что пишу уже не только, что хочу, но и то, что требует логика событий и характеры героев. Как будто кто-то невидимый взял меня за руку и повел по тропинкам человеческих судеб. Поэтому в книге присутствует доля вымысла, и имена персонажей изменены.

Отчего так рано ушел из жизни горячий комсомолец, полный энергии и разных талантов парень? Этого нам уже узнать не дано. В музее ОАО ГАЗ мне ничего не могли сказать про Александра Грошева, комсомольского активиста тридцать шестого- тридцать восьмого годов, да и в родном селе Кремнищком не осталось в живых никого, кто бы его помнил.

А ведь история его жизни заставляет задуматься о многом. О том, например, что мы не знаем меры ни в чем, когда-то удержу не знали в восхвалении советской действительности, теперь не жалеем грязи, чтобы очернить все, что тогда было. Читаешь некоторых современных авторов, и оторопь берет – каким тупым и забитым якобы был народ, безропотно подчинявшийся беспощадным коммунистическим «вождям». Наверное, было и такое. Но ведь сколько талантов вышло из этих «серых» масс! Сумели ведь большевики пробудить в народе великую творческую силу!

СМОТРЮ на фотографии в музее. Как много умных, полных достоинства, волевых лиц. Инженеры, изобретатели, рабочие.

Среди надписей о славных достижениях то и дело попадается «репрессирован по делу», «арестован», «расстрелян»...

На первом этаже музея выстроились детища их трудов – автомобили от самых простых грузовичков до великолепной «Чайки», вооружение, фрагменты гоночных машин.

Былая слава автозавода... Но почему только былая? Разве в нашей жизни что-нибудь происходит бесследно? Только надо беречь память обо всем, передавая с ней веру и энергию отцов детям и внукам.

Спасибо администрации завода, что в наши нелегкие времена сохраняют музей славного предприятия, работникам музея и, особенно, его директору Колесниковой Наталье Витальевне.

Ведь именно она подарила мне встречу с моей молодой мамой.

Успехов всем в добрых делах!

Евгения КАРЕЗИНА